

The background of the entire cover is a vibrant, abstract painting composed of numerous small, overlapping brushstrokes in a wide array of colors including red, orange, yellow, green, blue, purple, and white. The overall effect is a dense, textured mosaic of color.

18+

ВАЛЕНТИН
ИСИДОРОВИЧ
ИОПЕ

КАЛЕЙДОСКОП ПАМЯТИ

Размышления художника
о живописи и архитектуре
и воспоминания о юности

Валентин Исидорович Иоппе
Калейдоскоп памяти.
Размышления художника
о живописи и архитектуре
и воспоминания о юности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45101243
ISBN 9785005046727

Аннотация

Валентин Иоппе – яркий талант, оригинальный художник с классическим образованием и уникальным стилем. Член Союза художников России и Канадского отделения Международного общества акварелистов. «All of these pictures make me feel happy, when I look at them». Raymond Boggs, Lawyer, BA, MA, LLB, Toronto, Canada.

Калейдоскоп памяти Размышления художника о живописи и архитектуре и воспоминания о юности Валентин Исидорович Иоппе

© Валентин Исидорович Иоппе, 2019

ISBN 978-5-0050-4672-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

В моих воспоминаниях нет ни последовательности, ни системы. Вы прочтете здесь о людях, прошедших рядом по жизни... простых, земных, близких, случайных, но почему-то застрявших в памяти, и о далеких, великих, повлиявших на нее сильнее близких, о моем детстве, архитектуре и строительстве, о России времен оттепели и перестройки, о художниках и стилях живописи. «Арт-нуво» будет соседствовать со страницей, посвященной Ле Корбюзье, а море

Одессы – с воспоминаниями о войне. Потому я и назвал мой рассказ «Калейдоскоп памяти».

Жизнь завершает свой стремительный бег. Всплывают яркие картинки детства, в которых хочется увидеть тайну промчавшегося бытия, понять, почему так, а не иначе. Все премудрости Каббалы, Буддизма и Индуизма недоступны, да и нет на них времени. Великая и такая близкая, казалось бы, мне еврейская религия тоже недоступна, ее украли у меня коммунисты вместе со свободой.

Как же? – скажете вы, а ведь твой отец был коммунист... Да, но он вступил в партию на фронте, на войне с мразью гитлеризма, и это он, поймав в 1948-м по «телефункену» – трофейному «Филлипсу», вражий «Голос Америки», радостно обнял мою мать и воскликнул: «Ты слышала, Генюся – создан Израиль! Государство Израиль есть!»

Это будет рассказ о моей жизни художника и архитектора, о которой один приятель недавно сказал: «Какая спокойная и гладкая вся твоя жизнь!» Действительно: не довелось мне, как большинству мужчин, уходить на Великую Отечественную войну, потому что был слишком мал, в Афганистан – потому что был уже не очень молод, в Чечню – потому что был уже староват и был слишком далеко. Не довелось голодать, сидеть в тюрьме, замерзать на севере, испепеляться на солнце в пустыне, тонуть в океане, блуждать в тайге или джунглях Амазонки. Я всю жизнь строил и писал картины, строил и рисовал, строил и чертил, и если и разрывался

между одним и другим, то только между двумя моими «Я»: я – художником и я – архитектором. Постоянно не хватало времени то на одно, то на другое.

Моя семья не один век жила в Одессе. Родился там и я, но прожил у моря только два месяца, потом началась война, и это отдельная история. Дед моего отца, т.е. мой прадед изменил фамилию Иоффе на Иоппе, чтобы не забрали в царскую армию на 25 лет (не забирали только единственного сына, поэтому все три сына у прадеда оказались «единственными»: один Иоффе, второй Иоппе, третий Яффе). Ну вот так. Моему отцу дали имя Израиль, как называли еврейских детей из столетия в столетие с мечтой о своей стране. На войне ему порекомендовали как коммунисту и командиру сменить имя – и он выбрал Исидор, что было по крайней мере созвучно. Но об отце отдельно, это длинный разговор, и мой долг напомнить об этом самом близком и далеком мне человеке.

Начало

Все началось 19 апреля 1941 года в славном городе у моря, Одессе... в этот день я родился.

В Одессе, конечно, была Советская власть, но она имела какой-то неуловимый флюид именно Одесской советской власти. Мой дед, который и до революции был известным в городе ювелиром, не переставал быть им и в годы Советской власти, выполняя частные заказы. Был большой дом, семья жила на втором этаже, а на первом был ювелирный

магазин и мастерская. Блеск бриллиантов и изумрудов сливается в моем воображении, когда я думаю о том времени, с блеском моря и лучами солнца, проникающего сквозь буйную темно-зеленую листву.

Моя миниатюрная стройная мама родила меня по плану. В своих воспоминаниях она так и написала: «в тот год мы решили родить сына», и она была очень довольна тем, как свой план выполнила. Она была инженером-строителем и прекрасно рисовала, как и отец, который тоже, будучи инженером-строителем, писал картины и стихи. Мама не могла жить на чемоданах, любое свое жилье украшала, умея придать ему уют и обжитой вид уже через неделю после переезда. Я помню, как она, поставив стул на стол и раскачиваясь на нем на цыпочках, раскрашивала потолок по самодельной трафаретке в нашем послевоенном жилище.

Тогда, ранним июньским утром 1941 года, она везла меня по зеленой улице на пляж, гордо и энергично проходя мимо всех этих резных балконов, колонн, витых решеток, сквозь синие тени от высоченных деревьев, чтобы посидеть у моря, радостно наблюдая за мной, лежащим в низенькой колясочке с кружевными белыми занавесками собственного пошива. Было мне в тот день два месяца и три дня.

Где была та колясочка с занавесками, тот покой и блаженство уже через пару часов? Ни следа от них не осталось... все бежали, и мама бежала с кульком, закрученным в пеленку, на руках, бежали на трамвай, чтобы добраться до дома и там

собраться с мыслями, понять, что началась война, и вообще, когда вся семья в сборе под одной крышей – это как-то спокойнее. Трамвай был переполнен, уже отходил, набирая скорость, люди висели на подножках, а мама все бежала за ним. Кто-то в трамвае успел взять кулек у нее из рук, она бежала все быстрее, неумолимо отставая от трамвая и холодея от мысли, что вот-вот кулек уедет неизвестно куда и потеряется навсегда, но вдруг сильная рука висевшего на подножке громадного мужчины схватила маму и она повисла в воздухе. Так и летела на его руке до конечной станции, а тем временем другие руки передали ей над головами бесценный кулек, то есть меня. Дома все уже знали. «Да бросьте вы паниковать, говорил дед-ювелир, немцы – интеллигентные люди, видали мы их в 1914 году... Это ненадолго».

В юности маме предсказали, что она выйдет за военного. Она посмеялась, а потом еще раз посмеялась, когда вышла замуж за инженера. Однако годы шли, и постепенно, еще до войны, мой отец превратился в военного инженера и войну закончил полковником.

Тогда же, летом 1941 года, был день, вернее, ночь, когда примчался он домой на грузовике, который начальство разрешило взять на один час, чтобы забрать семью и увезти из-под наступающих немцев. По дороге забрал своих сестер и других родственников. Ночь, мокрая дорога, напряжение в воздухе, все было рассчитано по секундам.

Приехал за своими, а жили мы, как я уже упоминал, с де-

душкой, бабушкой, старшей сестрой мамы и ее сыном Леней, который в свои 13 лет был талантливейшим пианистом, всю выступал и ему предсказывали большое будущее. Отец схватил жену в чем была и меня, побросал в грузовик мои вещи и корыто, чтобы купать ребенка. Оставшееся время было потрачено на уговоры стариков покинуть город вместе с нами, но они уперлись и ни за что не хотели уезжать из Одессы. Они были непреклонны. «Да оставьте, – дед все гнул свою линию об интеллигентности немцев, – все это скоро кончится, мы уже старые, куда нам ехать, останемся дома, это ненадолго, вот увидите».

Старшей дочери было неловко оставлять пожилых родителей, и она с сыном Ленечкой тоже решила остаться переждать визит вежливых немцев, пьющих кофе по утрам и нежно подбирающих потерявшихся котят. Когда моей маме было 80 лет, я попросил ее написать воспоминания о том времени и узнал то, о чем она никогда не рассказывала. «До сих пор ясно вижу ту ночь, – писала она, – как я сижу в грузовике, прижимая к себе двухмесячного ребенка, а вокруг машины бегают 13-летний племянник Ленечка и кричит: „Мама! Почему мы не уезжаем? Они же нас убьют! Они же нас убьют!“ Так и стоит его крик в ушах по сей день». На прощанье дед все протягивал мешочек с бриллиантами, настаивая: «Возьмите, уезжаете неведомо куда, ничего с собой не берете, возьмите, пригодится, у нас здесь все есть». Мама с отцом отказались наотрез, рука не поднялась: «Нет

не нужно, не возьмем ни за что».

Так и остался в памяти у мамы дед с бриллиантами в руке и бегущий вокруг машины Ленечка, которому не суждено было стать знаменитым пианистом, потому что немцы закопали и его, и его маму, и деда с бабушкой, их всех через несколько дней. Закопали и еще сотни тысяч евреев, а потом быстро и организованно создали Одесское еврейское гетто, куда попали оставшиеся родственники, которых отец не успел забрать в ту ночь.

В живых осталась только троюродная сестра Белла, которая оказалась там восьмилетним ребенком и прожила в этом аду 4 года, до самого освобождения. Была она там с четырехлетним братом. Однажды, когда он спал, какой-то изможденный голодом и работой человек сел на него, не заметив спящего ребенка, братик задохнулся и умер.

Мои первые 4 года жизни пролетели в эвакуации в Бузулуке. Честно говоря, все, что мне кажется – я помню, скорее, по рассказам мамы. Мы оказались там той половиной семьи, которая на грузовике добралась до железнодорожного вокзала в Одессе и в грузовом вагоне добралась до Урала. Мои баба с дедом по линии отца и четыре тетки с детьми. У маминой младшей сестры Люси был сын Рома, на месяц моложе меня. Месяц – большая разница, когда тебе всего от роду 3 месяца, так что в сравнении с Ромой я был гигантом и все время выпихивал его из того самого одесского деревянного корыта, в котором нас с ним мыли вместе в целях экономии

воды. Он мне это и сейчас вспоминает.

Когда мне было около трех лет, в 1944-м, моя маленькая и хрупкая интеллигентная мама, движимая каким-то необъяснимым порывом, отважилась оставить меня на всю эту родню и «полетела» на встречу к любимому мужу. Мне было три года. То есть мама умчалась в зиму в беличьем полушубке и бурках, на перекладных, в сторону фронта, весьма приблизительно зная и скорее – чувствуя, где он, этот самый любимый на земле человек.

Из писем с фронта полк отца должен был находиться примерно в таком-то направлении, не знала она ни названия города, ни точного времени, когда они там будут, вообще у нее ничего не было, кроме мощного интуитивного порыва: хочу его видеть, поеду и найду.

Я всегда считал, что женщина так устроена, что вроде любит детей больше, чем мужа, но этот эпизод показал, что не всегда это так, да и вообще все теории и обобщения не стоят медного гроша. В ту лютую зиму, имея в голове только направление движения войск и оставив меня, мама отправилась искать отца.

Сердце привело ее точно на ту станцию, где остановился ненадолго поезд, и солдаты из прибывшего грузовика выгружали ящики с боеприпасами; все было в движении. Облака летели и меняли форму на огромной скорости, страшный мороз не давал дышать. Был вечер, закат, и снег вспыхивал искрами под малиновым закатным солнцем, предве-

щающим, что завтра пронизывающий ветер еще усилится. Было предчувствие счастья и крик интуиции: «Иди за мной и ничего не анализируй!» Этот странный внутренний ориентир подвел маму к толпе военных, среди которых возвышался стоявший спиной к ней в тулупе и шапке-ушанке с опущенными ушами офицер, командовавший погрузкой.

Она услышала знакомый голос, окликнула его, увидела изумление, счастье на его лице.

Он подбежал, схватил ее на руки, поднял высоко и кричал:

«Смотрите, это моя жена! Это моя жена!»

Он был очень высокий, почти 2 метра ростом. Наверное, и я вырос бы повыше, чем 179 см, если бы не военное детство. Дали им какую-то комнатку на трое суток, а потом она долго с приключениями добиралась обратно на перекладных до того поселка, где оставила меня. Нашла она меня всего покрытого нарывами ветрянки и опухшего от свинки. Теткам и бабушке хватало хлопот и без меня. В маминых ласковых руках я быстро пришел в себя. По ночам мама с двумя моими тетками копала оставленную на колхозном поле мерзлую картошку. Это было воровство, но благодаря этому мы выжили.

Большая часть семьи, не эвакуировавшаяся из Одессы, была уничтожена фашистским зверьем, а ведь мама говорила, что мой дед не уехал в частности потому, что помнил интеллигентных немцев, зашедших к нему в ювелирную ма-

стерскую во время Первой мировой и спросивших – нет ли у него оружия, на что он ответил «да» и, вынув пистолет, нажал на курок зажигалки. Немецкие солдаты были удивлены, смеялись и конфисковали «оружие» с явным удовольствием. Отец всегда говорил мне, что не все немцы фашисты, у меня даже была какое то время нянька немка и она учила меня немецкому, мы писали слова палочкой на снегу «дер кнабе» – мальчик, «дер тыш» – стол и так далее, в общем «ауфвидерзэйн» и «их либе дих».

«Тоже мне – интеллигент!»

После войны отца оставили строить в Германии. Был 1946 год, и мне уже исполнилось 5 лет. Мы жили в военном гарнизоне в Кенигсберге, ездили на трофейном додже (я, кстати, по сей день остаюсь верным этой надежной машине, каждая моя новая машина – это новый додж). Отец что-то строил и демонтировал радиостанцию перехвата. Хозяйка старинного двухэтажного дома, в котором мы жили, пекла иногда пироги, разделенные на сектора, как разрезанный торт, и в каждом секторе были разные ягоды. Это было сильнейшее впечатление детства.

Немцы еще постреливали, поэтому к отцу был приставлен автоматчик, он же водитель, по имени Дробат. Он мне как-то продемонстрировал настоящий автомат в действии. Метрах в пятидесяти от нас был электрический столб, на котором осталось несколько стеклянных изоляторов. Он прицелился и с трех выстрелов три изолятора исчезли. Как сказали бы

сейчас, это было круто. Потом я много занимался спортивной стрельбой и смог по достоинству оценить мастерство Дробата. Он сажал меня на колени, давал мне в руки руль доджа и я рулил. Был еще и открытый виллис, но отец почему-то любил больше додж.

По воскресеньям утром мама надевала мне пошитые ею короткие штанишки на бретельках, которые я ненавидел, из-за них меня дразнили местные мальчишки, белоснежную рубашечку и черную бабочку. И мы с отцом шли к единственному уцелевшему от бомбежки трехэтажному кирпичному дому. Отец ставил меня на что-то высокое и придерживал сзади за бретельки, а я громко пел: «На позицию девушка провожала бойца...» и другие песни. На бис исполнялась «Выпьем за родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем!» для слушавших меня из других окон полуодетых военных и их жен в комбинациях. Я пел на улице.

Домой шли держась за руки, и мне было не слишком удобно потому, что рука отца была очень высоко. Придя домой, папа восторженно рассказывал маме, что у меня абсолютный слух, какой был успех и т. д. С тех пор люблю петь и не расстаюсь с гитарой, так и в Канаду приехал с гитарой и одной сумкой. С пианино тоже не расстаюсь. Правда, отец был в недоумении, что по дороге домой я старательно обходил все даже самые маленькие лужицы.

«Тоже мне – интеллигент!» – сказал он маме.

Наша семья скиталась, как и многие семьи военных, по го-

родам и весям, и вот оказалась в Подмоскowie, где отцу и еще трем героям войны предложили под жилье заброшенную деревянную церковь, которая уже пару раз горела и использовалась как склад. Отец был инженером-строителем и военным. Отец строил в Германии, а потом в России, поэтому мы много переезжали. Рисовал он прекрасно и легко делал архитектурные проекты. По проекту Исидора Борисовича Иоппе военнопленные немцы, восстановив внешний облик здания до мелочей, поделили внутреннее чрево на четыре квартиры. На дворе стоял 1946 год.

В кухне только что настелили и отстрогали новый пол. Родители ушли, а когда вернулись, посередине кухни сидел четырехлетний Валик (то есть я собственной персоной) с разбитыми в кровь пальцами и методично забивал в пол огромные гвозди.

Какова же была реакция? – спросите вы. Мою маму звали Генриетта. Отец обнял маму и произнес: «Геньчик, он будет архитектором».

Скоро отца не стало, в 1954-м он умер, и все мужские обязанности, ремонты и прочее постепенно достались мне, так как дом потихоньку стал стареть, прохудилась крыша, хотя и была сделана из оцинкованного железа, прогнили местами полы и так далее. Но я любил запах распиленных березовых дров, спирали извивавшейся под рубанком стружки, аромат сосновой смолы. Перловка – так называлась станция и поселок, где прошло мое детство, отрочество и юность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.